

ПИСАТЕЛЬ О ЛИТЕРАТУРЕ

Лидия Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе.

Она писала свою жизнь как книгу. А книги свои — как драмы. Точнее, как предельно драматизированную историю взаимоотношений напряженно мыслящего человека с литературой и историей. Оттого им долго еще не суждено устареть: XX век в изобилии поставлял материал для скрещения литературоведческого анализа с глубоко трагическими размышлениями. Из скрещения этого и рождалась критическая философская проза.

Лидия Яковлевна Гинзбург, один из виднейших наших литературоведов, всю жизнь писала именно такую прозу. Только что отливалась она в разные формы — то статей о литераторах XIX века, то книг о лирической прозе и лирическом герое (и многих других), то воспоминаний и эссе. Даже записные книжки ее есть череда точных и глубоких наблюдений над литературой и жизнью. Меж нами совсем недавно жил человек, видевший то же, что многие из нас, но прозревавший в этом и драмы, и трагические сломы, и показатели катастрофических изменений личности и отношений человека с литературой, и психологические откровения.

Вспоминается одна из заметок Лидии Яковлевны — когда она пишет о том, как молодой поэт К. Симонов (дело происходило до войны) пришел знакомиться к Анне Ахматовой. За спиной у него были бедность и неустроенность, в настоящем — огромная трудоспособность, масса честолюбивых планов и только что полученный орден. Но на пороге дома Ахматовой, рассказывает Лидия Яковлевна, «Симонов вдруг быстро снял с лацкана пиджака новенький орден и сунул его в карман».

Здесь запечатлен не только естественный поступок человека, сознающего неуместность демонстрации своего знака отличия перед лицом гениального поэта, к тому же женщины глубоко несчастной. Здесь, если хотите, эпоха. Эпоха, с одной стороны, слома неписаной российской таблицы о рангах, когда орденами, а заодно и славой, и почестями писателей награждали вовсе не по уровню дарований (а когда, спрашивается, в России отмечали великих

поэтов орденами? И когда истинные поэты ценили ордена?), а с другой — ее, этой таблицы, незыблемость, незыблемость органическая, не дающая человеку права — если он по-настоящему причисляет себя к отечественной литературе — о ней забывать.

Так выразительны записные книжки Лидии Яковлевны. Нередко приходится слышать, что ее книгам, равно как и записям, чужда эмоциональность. В принципе это верно, но лишь в том смысле, в каком эмоциональность не присуща философским размышлениям, однако же постоянно питает их. За краткими записями Лидии Яковлевны встает ум глубокий, очень здравый, очень земной — и одновременно возвышенный, причастный к вершинам литературоведческой мысли. Она с потаенной лукавой усмешкой — и удивительно метко — отметила, что «о великих писателях прошлого принято говорить подхалимским тоном. Они своего рода начальство». Она не возмущалась — во всяком случае, наружно — неким Б., сравнившим прозу Брежнева с пушкинской: она ясно осознала в его поступке действие социальных механизмов. Ведь Б. прекрасно знал, что, если он не скажет этих кощунственных слов, ничего с ним не случится. А вот — сказал. «Что же это такое? — только сталинских времен привычка к бесстыдству. Страх искоренил стыд. Люди без защитных покровов, голые, — и никто никого не стыдится».

Это ли не ушедшая в предельно сжатые мысли эмоциональность! Несколькими словами — и очень точно — определила Лидия Яковлевна то, что, собственно, и сделало «Вторую книгу» Н. Я. Мандельштам книгой во многом уязвимой. «Надежда Яковлевна, — написано у Л. Гинзбург, — отождествляла себя с Мандельштамом, с